

Каждая секунда казалась ему пределом выносливости, но мужчина, распорядившись его телом, без всякой жалости давал понять, что до настоящего предела еще очень далеко.

Боль и наслаждение давно вышли за рамки того, что он мог вынести. Когда в этот день он очнулся в постели, поначалу даже не смог вспомнить, что происходило накануне — всё казалось сумбурным и пугающим.

Он не хотел возвращаться к этим воспоминаниям и попытался приподняться, но во всем теле не нашлось сил даже пошевелить пальцем.

Особое естество самки дракона было таково, что, сколько бы он ни переносил издевательств, которые сам считал запредельными, это не наносило телу физического вреда, лишь истощало силы. Конечно, ломота и боль оставались неизбежны.

В последнем обрывке воспоминаний Чао Цы помнил, что во дворце почти не осталось целых мест. Теперь же постель, на которой он лежал, была мягкой и удобной — должно быть, мужчина сменил белье.

Только он подумал об этом, как в покои вошел мужчина в белоснежных одеждах.

Он подошел к кровати, бережно поднял Чао Цы, позволяя ему полулежать, и слегка прикусил его губу.

— Отдыхай два дня. Через два дня у нас свадьба, — его голос звучал холодно и спокойно.

Чао Цы в изумлении распахнул глаза.

— Не хочешь? — негромко спросил мужчина, и в его голосе не слышалось гнева.

Чао Цы, встретившись с ним взглядом, мгновенно утратил остатки сил.

А если и не хочет, что с того? Этот человек даже не собирался считаться с его желанием, лишь ставил перед фактом.

Видя, что Чао Цы молчит, мужчина едва заметно улыбнулся и коснулся поцелуем уголка его губ:

— Сяо Цы такой послушный.

На лице Чао Цы застыло выражение полного безразличия, но про себя он принялся препираться с Системой.

— Он что, дает мне всего два дня на подготовку к свадьбе? Неужели небожители такие безалаберные? — спросил Чао Цы.

— Вовсе нет, он все устроил еще до того, как похитил тебя, — ответила Система.

— Обалдеть, так он еще круче, чем я думал!

Мало того, что мучил его столько дней, так еще и перед самой свадьбой выделил всего два дня на отдых. Истинная щедрость.

— Кстати, сколько времени я тут торчу?

— Если не считать первых девяти дней, ты в этих покоех уже больше двух месяцев, — сказала Система.

— Больше двух месяцев?! — недоверчиво переспросил Чао Цы.

— Ну и как? Каково это — два месяца заниматься сексом? — подколола его Система.

— Даже слов нет, только два: круто и адреналиново! Думаю, можно подавать заявку в Книгу рекордов Гиннеса, — с чувством произнес Чао Цы.

То, что я, черт возьми, до сих пор жив, — это само по себе достижение.

.....

Внешний мир, где толпы небожителей жаждали новых сплетен, наконец дождался: Верховный бог Цзинь Яо женится!

Они знали, что будет громкая новость, но не ожидали, что это станет настоящей бомбой. Неужели такое божество, как Цзинь Яо, вообще может жениться?

Поначалу никто не верил, и лишь когда приглашения оказались на руках, пришлось смириться с фактом.

Янь Цан, получив приглашение, тоже был ошеломлен. Сам он вел разгульный образ жизни десятки тысяч лет и еще не остепенился, кто бы мог подумать, что Цзинь Яо, этот вечный холостяк, обгонит его!

Он-то думал, что Цзинь Яо останется одиноким, пока не рухнут Шесть миров.

В день свадьбы, не считая мелких небожителей, собралась почти половина Мира Богов. К счастью, Куньлунь был достаточно велик, чтобы вместить всех гостей.

Все эти небожители прожили не один десяток тысяч лет, но лишь немногим из них доводилось бывать во дворце Куньлунь. Теперь, когда представился такой редкий шанс, да еще и при столь щедром приеме — с горами первоклассных божественных фруктов и вин, которые подавали, не скупясь, — все предавались пиршеству и сплетням, наслаждаясь атмосферой.

В Море Богов никто не осмелился бы называть себя старшим по отношению к Цзинь Яо. Янь Цан, пожалуй, имел право — по крайней мере, Цзинь Яо признавал его авторитет, — но и он не желал важничать. Поэтому на свадьбе не было церемонии поклонения предкам, лишь свидетели из числа небожителей.

Только сейчас боги наконец смогли увидеть, как выглядит даосский спутник Цзинь Яо.

Бросив лишь один взгляд, они замерли в изумлении, а следом пришло понимание.

С такой внешностью неудивительно, что даже Цзинь Яо, чье самообладание было крепче, чем у практикующих путь бесстрастия, не смог устоять.

Однако среди гостей были и представители рода драконов, и у них челюсти отвисли от настоящего шока.

От этого смертного... исходил аромат самки дракона.

Они мгновенно сложили пазл: у Цзинь Яо была Внутренняя пилюля самки дракона, и он вживил ее в тело этого смертного.

У драконов образ мыслей отличался от других рас: они не были сплоченными и не особо заботились о морали. Если бы перед ними предстала живая самка дракона, они, возможно, тут же потеряли бы голову. Но известие о том, что некая неизвестная им самка лишилась пилюли, не вызвало особых чувств. Не видели — значит, нет привязанности, значит, и дела нет.

Если бы это сделал кто-то другой, они бы, возможно, возмутились, но это был Цзинь Яо... Они сами тряслись за свои жизни, если случайно его задевали, так что им какая-то незнакомая драконица?

Конечно, Цзинь Яо не был кровожадным, и была ли та самка невинна — вопрос десятый.

Единственное, что они чувствовали сейчас, — это зависть!

И вовсе не потому, что они претендовали на Чао Цы. Драконы обычно не проявляли интереса к сородичам, ставшим чьими-то спутниками. Просто толпа самцов, годами изнывающих от одиночества в поисках самки, чувствовала себя оскорбленной этой демонстрацией любви.

Хотя у драконов редко был дефицит партнеров, все они вели себя как хотели, но для них это были лишь временные связи, а не спутники жизни. И дело не в том, что спутником могла стать только самка дракона, просто с представителями других рас... шансы были крайне малы.

Цзинь Яо посчастливилось найти такого, а им — не факт. Из сотен драконов лишь единицы могли похвастаться тем, что обрели пару.

Двое, под звуки поздравлений, вошли в покои, украшенные красными пологам. Впервые за миллионы лет холодный, словно заснеженный, дворец Куньлунь окрасился в столь яркие цвета.

Отпустив слуг, Цзинь Яо усадил Чао Цы на край кровати. Сам он встал перед ним, наклонился и сжал его лодыжку.

— Больно? — несмотря на холодный тембр, в голосе отчетливо слышалось беспокойство.

Два дня отдыха для Чао Цы оказались слишком коротким сроком, к тому же его нынешнее тело не было приспособлено к долгим прогулкам. В главном зале он держался на ногах лишь благодаря незримой поддержке Цзинь Яо.

Чао Цы опустил глаза, глядя на свои ноги, и ответил:

— Терпимо.

Он утратил прежнюю живость, отвечая Цзинь Яо сухо и равнодушно. В нем не осталось даже бывшего гнева — он словно смирился, перестал сопротивляться, но вместе с тем потерял всякий интерес к жизни.

Цзинь Яо смотрел на него, храня молчание.

Спустя долгое время он склонил голову, поцеловал Чао Цы в глаза и спросил:

— Ты ненавидишь меня?

Чао Цы не ответил.

Помолчав, он произнес:

— Что стало с... теми, кого я оставил? Мой брат в порядке?

На самом деле он хотел спросить и о Цяо Пэе, но не мог задать этот вопрос мужчине, стоящему перед ним, — тот все равно бы не ответил.

Он волновался, не решил ли Чао Цзюэ, что он погиб. Брат всегда был слаб здоровьем и мог не пережить такого удара. Волновался он и за Цяо Пэя: они только-только поженились, а его похитил Цзинь Яо. Как, должно быть, переживает Цяо Пэй? Их брак был заключен вопреки мнению двора, и исчезновение императрицы в день свадьбы наверняка вызвало небывалый переполох.

Цзинь Яо, видя, что Чао Цы не ответил прямо, помрачнел. Затем ответил:

— С ним все хорошо.

— Я оставил письмо в поместье клана Чао, сказав, что это я забрал тебя. Сейчас он отправил много людей на поиски по всей Империи Е и соседним странам.

Конечно, людей отправлял Цяо Пэй, но Цзинь Яо, разумеется, не собирался упоминать этого человека.

Заметив, как у юноши загорелись глаза при известии о том, что брат жив, Цзинь Яо невольно смягчился.

Он погладил его мягкие волосы и сказал:

— Если хочешь, я могу отправить людей в Мир Смертных, и в будущем ты сможешь переписываться с братом.

Чао Цы просиял, хотя про себя лишь усмехнулся.

Какой же он мерзавец. Похитил его, запер, а теперь преподносит возможность написать письмо как великое одолжение.

— А я могу вернуться, чтобы навестить его? — осторожно спросил Чао Цы.

Цзинь Яо не ответил сразу, но, видя ожидание в глазах юноши, произнес:

— Посмотрим на твое поведение.

.....

Время в Куньлуньском дворце для Чао Цы пролетело как в тумане — пять лет.

Годы словно исказились: каждый миг, каждый день были невыносимы, но если оглянуться назад, пять лет промелькнули так быстро.

Мучительные периоды течи, безрадостные будни во дворце Куньлунь.

И ему предстояло провести здесь еще бесчисленные пять, сто, тысячу, десять тысяч лет...

Иногда Чао Цы не хотел об этом думать.

Единственным, чего он ждал, были ежемесячные письма из дома. Чао Цзюэ, узнав, что брат попал на небеса к Цзинь Яо, был в ярости, но понимал, что гнев бесполезен, и эти письма стали их единственной связью.

Он злился, волновался, но старался не обременять брата своими чувствами, писал лишь о хорошем. Чао Цы отвечал тем же, и они оба бережно поддерживали видимость спокойствия, надеясь хоть немного порадовать друг друга.

Два года назад в Мире Богов случилось некое крупное событие, и Цзинь Яо был вынужден покинуть Куньлунь. Чао Цы решил воспользоваться шансом и сбежать. К тому времени, благодаря его покладистому поведению, ограничения стали мягче.

Многие слуги сочувствовали Чао Цы, но не осмеливались помочь — за это грозила смерть. Да и куда бежать? Разве есть место, где можно скрыться от Верховного бога?

Чао Цы не хотел никого подставлять. Когда Цзинь Яо ушел, он пробрался туда, где содержали божественных зверей, нашел Золотокрылого Пэна, полоснул себя по запястью и напоил птицу своей кровью.

Самки дракона не имели боевых навыков, их тело было слабее, чем у обычных людей, к тому же они страдали от неконтролируемых периодов течки. Можно было усомниться в смысле их существования — возможно, они были созданы лишь как придаток к самцам.

Однако мало кто знал, что кровь самки дракона может на короткое время приручить любое существо.

Он взобрался на спину Пэна и улетел из Куньлуны. Он не знал, куда направляется, и не хотел возвращаться в Мир Смертных, чтобы не навлечь беду на брата и Цяо Пэя. Единственным желанием было улететь как можно дальше.

День за днем он летел на Пэне, подкармливая его кровью, когда тот пытался сбросить чары. Окружающий пейзаж казался однообразным, звуков не было, лишь какой-то едва слышный шум, похожий на звон в ушах. Такая обстановка могла свести с ума, но Чао Цы предпочел бы это возвращению.

Иногда он смотрел вниз, в бездонную пропасть, и думал, что если спрыгнет, то, должно быть, разобьется насмерть.

Но тут же вспоминал слова того человека: даже если он умрет, тот спустится в подземный мир и вернет его душу обратно. От этой мысли становилось совсем тошно.

Он продолжал бегство, пока однажды после рассвета не увидел в вышине знакомый силуэт в белых одеждах.

Все-таки... не вышло.

В тот миг Чао Цы не мог описать своих чувств. Сердце болезненно сжалось, словно вся надежда разом испарилась, но, если подумать, шансы сбежать от этого человека были ничтожно малы.

Огромная птица была разрублена мечом пополам, брызнула кровь, и два куска туши рухнули в бездну.

В тот же миг мужчина подхватил Чао Цы в свои объятия.

На лицо юноши попали брызги золотистой крови.

После того случая, как бы он ни притворялся послушным и покорным, мужчина больше не ослаблял контроль.

Пять лет спустя в Мире Богов снова начался хаос.

Цзинь Яо опять покинул дворец, но на этот раз у Чао Цы не было шанса на побег: руки и ноги были закованы в кандалы, а на его сознание мужчина наложил печать.

В прошлый раз, когда он сбежал, слуги дворца, хоть и не помогали, но и не препятствовали. По мольбам Чао Цы Цзинь Яо не стал казнить их, но всех выставил из Куньлуня. Новые слуги боялись навлечь на себя гнев господина, поэтому следили за Чао Цы очень строго.

Правда, Цзинь Яо, опасаясь, что Чао Цы совсем зачахнет от скуки, разрешил слугам разговаривать с ним. От них он и узнал, что нынешний хаос — это отголоски событий на Границе Демонов.

Или, вернее, что прорыв Границы Демонов был лишь частью заговора, спланированного демонами изнутри.

.....

Тот мятеж был подавлен слишком легко. Древняя война длилась почти тысячу лет, а нынешние беспорядки утихли меньше чем за полгода. Это казалось подозрительно простым. Но, вспоминая, что великие демоны истощали свои силы в заточении десятки тысяч лет, боги Мира Богов не стали особо сомневаться.

Однако спустя пять лет после тех событий беда все-таки пришла.

В Мире Смертных и Мире Духов начались беспорядки, а в одном из государств смертных люди и вовсе превратились в рабов демонов. После того как Граница Демонов была прорвана, уничтоженные тогда демоны оказались лишь пешками, которыми пожертвовали настоящие владыки. Внутри Границы они изменили свою природу, чтобы скрыться во всех мирах.

Они слишком долго затаились в Мире Смертных, тайно наращивая силы, и когда наконец нанесли удар, Мир Богов даже не успел среагировать — целая страна уже пала.

Более того, они узурпировали власть демонических королей в Мире Демонов-зверей и Мире Демонов. Раньше эти миры не были врагами богам, но теперь, когда к власти пришли те самые демоны, они стали противниками.

Это был спланированный захват, заставший всех врасплох.

Цзинь Яо последние пять лет почти не покидал Куньлунь, но теперь был вынужден отправиться на подавление мятежа.

Не говоря уже о его личных желаниях, эти демоны были заточены в Границу именно Цзинь Яо

и подвергались мучениям десятки тысяч лет, поэтому ненавидели его до глубины души, жажда разорвать на куски. Все остальные могли остаться в стороне, но только не Цзинь Яо.

Чао Цы теперь видел его не каждый день, а лишь раз в несколько месяцев.

На четвертый месяц после начала хаоса Чао Цы, как обычно, получил письмо от Чао Цзюэ.

В нем брат писал, что в последнее время чувствует себя неважно, и спрашивал, не может ли Чао Цы приехать хотя бы раз.

Хотя Чао Цзюэ знал, что Цзинь Яо забрал брата на небеса, он не подозревал, что тот заперт. Он думал, что Чао Цы просто не может легко покинуть Мир Богов.

Когда Чао Цы читал эти строки, его сердце уходило в пятки.

Все эти годы они в письмах старались не касаться неприятных тем, сообщая лишь радостные вести. И если теперь Чао Цзюэ пишет о недуге и просит приехать... это означает, что его состояние крайне тяжелое.

Получив письмо, Чао Цы места себе не находил от тревоги.

Через полмесяца Цзинь Яо вернулся.

Он пришел в спешке, не в своих привычных белых одеждах, а в черном халате. Он вошел в покои быстрым шагом, и от него исходил густой запах крови. Несмотря на темный цвет ткани, было видно, как тяжело дается ему каждое движение.

Чао Цы, сидевший в кресле, при его появлении впервые за долгое время сам встал навстречу:

— Ты вернулся?

Цзинь Яо, удивленный такой покорностью, быстро подошел, обнял юношу и коснулся его носа своим:

— Скучал по мне?

Чао Цы не ответил, помолчал и спросил:

— Что там... снаружи?

— Эти твари пустили глубокие корни, с ними непросто справиться, потребуется время, — ответил Цзинь Яо.

Они развили слишком широкую сеть влияния, втянули слишком много людей, некоторые до сих пор прятались в тени. Решить эту проблему было действительно сложно.

— Мой брат в прошлом письме написал, что болен. Я могу... навестить его? — с трудом выдавил Чао Цы, глядя на него с мольбой.

Лицо Цзинь Яо, до этого выражавшее удовлетворение, застыло.

Он сжал губы и произнес:

— Нет.

А он-то думал, почему юноша вдруг стал таким послушным...

К тому же снаружи сейчас слишком опасно, отпускать туда Чао Цы нельзя.

Видя, как помрачнело лицо юноши, Цзинь Яо смягчился:

— Подожди еще немного.

Ему нужно было сначала выкурить из укрытий тех, кто стоял за кулисами, чтобы можно было спокойно взять юношу с собой.

— Но... — Чао Цы попытался возразить.

Раз Чао Цзюэ написал, что ему плохо, значит, все гораздо серьезнее... Он-то может подождать, но может ли подождать брат?

— Не упрямясь, — Цзинь Яо нахмурился. — Я прикажу гонцу передать лекарства. Тебе не стоит так сильно волноваться.

Чао Цы онемел.

Он понимал, что Цзинь Яо не позволит ему вернуться. Оставалось лишь надеяться, что брат действительно в порядке.

Пока он терзался дурными предчувствиями, он ощутил на губах холодное прикосновение.

<http://bllate.org/book/22189/2312431>